

ОПАСНЫЕ СВЯЗИ, ИЛИ ТЩЕТНАЯ ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬ

В.Ф. СПИРИДОНОВ

Спиридонов Владимир Феликсович — преподаватель Российского государственного гуманитарного университета, доктор психологических наук. Автор около 60 опубликованных работ в области психологии мышления и психологии решения задач и проблем.
Контакты: vspiridonov@yandex.ru

Резюме

В статье анализируются различные линии противопоставления исследовательской (теоретико-экспериментальной) и христианской психологии. Автор обосновывает принципиальную несовместимость форм мышления, которые лежат за той и другой дисциплинами, и высказывает пессимистические прогнозы по поводу дальнейшей судьбы исследовательской психологии в нашей стране.

*Иудеи ищут знамений,
А еллины — доказательств.*

Популярная интернетовская шутка

1. Начну с формулировки основного тезиса: психологическая *наука*, безусловно, не совместна ни с какими формами религии. Речь, понятно, идет не о личных религиозных пристрастиях исследователей (они могут быть любимы, а могут и отсутствовать в принципе), а о тех *формах мышления* или видах рациональности, которые предполагаются двумя обсуждаемыми сторонами. Чтобы не жонглировать абстракциями, позволю себе проиллюстрировать это суж-

дение наиболее известным и все еще очень «горячим» примером — столкновения между сторонниками эволюционной теории и креационизма по поводу происхождения человека.

В большинстве ведущихся дискуссий (современные образцы можно найти и в бумажной прессе, и в интернете) явно не учитывается, что в данном случае сталкиваются просто-таки несравнимые по своему статусу утверждения. Их содержательное противоречие — разная трактовка

одного и того же предмета — обманчивая иллюзия. Эволюционная теория — пример научной теории со всеми признаками и атрибутами: она имеет автора, предлагает содержательное объяснение большому числу событий, подтверждается набором фактов (наблюдательных и экспериментальных), допускает независимые проверки (это значит, что проверяются другие следствия теории, отличные от объясняемого), может быть опровергнута с помощью эмпирических проверок и т. д. Еще некоторое количество характеристик можно найти у философов-позитивистов (например, Поппер, 2002; Лакатос, 2003).

Креационизм тоже предлагает свое объяснение происхождению человека. Однако строится оно совсем не так. Возможность независимой проверки этого построения отсутствует. Опровергнуть его принятыми в науке способами тоже не представляется возможным — мешает само его устройство. Особенно занятен вопрос авторства: идея богосозданности человека древнее практически любой из ныне существующих религий — ее возникновение теряется в глубинах веков. Непонятно, кто ее выдвинул и на основании каких аргументов. Таким образом, мы сталкиваемся в этом случае с нетеорией. В зависимости от личного вкуса можно считать креационизм мифологическим сюжетом, символом веры, архетипом человеческого сознания и т. д. В любом случае противопоставлять эту идею эволюционной теории в качестве альтернативной теории — грубая ошибка.

Это поразительным образом признают даже противники идей

Дарвина, которые в ходе судебных процессов (последний несколько месяцев назад имел место в Санкт-Петербурге) требуют запретить преподавание теории эволюции или преподавать наряду с ней креационизм, но я не слышал о требованиях признать ее *опровергнутой*.

На материале проведенного сравнения легко видеть, что любая теория — объяснение, но не всякое объяснение — теория. Однако это еще не все.

Систематическое разгадывание головоломок, свойственных нормальной науке (Кун, 2003), которым занимаются исследователи в самых разных сферах, подчиняется некоторым рациональным правилам. Только в этом случае получаемые результаты обладают какой-то научной ценностью. В противном случае каждый будет играть в «своей песочнице». Научная истина — процедурна по своей природе: четко известно, что сделано или должно быть сделано, чтобы получить (повторить, проверить) данный результат или обобщение. Это касается не только физики и естественных наук. Так же дело обстоит в истории, языкознании, культурной антропологии и т. д. Собственно, и психология ничем не выделяется из общего ряда — но только когда ее адепты занимаются реальными исследованиями, а не разговорным «жанром», который становится все популярнее. Поэтому представляется, что коллеги, участвующие в дискуссии, не правы, когда противопоставляют традиционную психологию христианской на основе принятой в первой естественнонаучной парадигмы, позитивистской методологии или склонности к сциентизму. С равным

успехом вместо психологии можно подставить ботанику, экономику или криптографию. Всякий раз мы будем сравнивать науку с не-наукой.

Любое научное исследование (даже в ситуации смены парадигм или одновременного сосуществования многих общих теорий, что характерно для психологии) — это игра по правилам. А они у исследовательского психологического и религиозного мышления очень разные. Понятно, что истиной можно признать что угодно. Но если религиозное откровение тоже несет в себе истину, то это омоним по отношению к ее процедурному пониманию. Собственно, здесь и проходит водораздел: любая иллюзия претендует на статус истины, если у нас нет способов ее проверки и критики. Ориентация на контролируемую критичность — основа научного мышления. В противовес этому многочисленные конструкции религиозного мышления (например, культивируемое отношение к знамениям и чудесам, как «историческим», так и современным) содержат богатый материал для анализа пралогического мышления, нечувствительного к опыту и игнорирующего противоречия (Леви-Брюль, 1999).

2. Думаю, однако, что «нерв» разворачивающейся дискуссии о взаимоотношениях психологии и религии лежит в иной плоскости. Адепты христианской психологии не претендуют на то, чтобы перекроить по своей мерке традиционные психологические исследования, но лишь указать на их неполноту и *малую ценность*. Обогащение предмета психологии категориями души, духа, одухотворенной телесности, пра-

вильно понятой личности и др., а ее методов — объективацией личностного опыта как достоверного материала (Лоргус, 2007) или апелляцией к точке зрения внутреннего наблюдателя (и, наверное, чем-то еще) должно превратить «психологию психики» в «психологию человека» (Слободчиков, 2007).

Что же произойдет, если это действительно случится и персонализация онтологии человека (Слободчиков, 2007) станет явью? В плане теоретико-методологическом — ничего особенного: оформится еще одна понятийная система, претендующая на концептуализацию целостного человека (личности, которая есть целостный, всеохватный способ бытия сразу всего человека — Слободчиков, 2007). Таких было и есть множество и в психологии, и в сопредельных областях знания.

Однако произойдет существенный сдвиг в совершенно другой сфере, лежащей далеко за пределами научных дискуссий. Мне кажется, что подоплекой настоящего обсуждения являются не артикулированные обеими сторонами претензии на обладание или доминирование в рамках чрезвычайно важной социальной позиции или социальной практики — «учителя жизни» или «советчика» — человека, к которому можно обратиться, попав в сложную жизненную ситуацию. В своей консультационной, реабилитационной, психотерапевтической деятельности психологи в широком смысле (к ним относятся и представители близких профессиональных сообществ) активно обустроивают эту нишу, которая, как кажется, принадлежит им. В отличие от узких предметных

специалистов, консультирующих по юридическим, финансовым, налоговым и т. п. вопросам, психологи претендуют на то, чтобы наряду со всем прочим обсуждать с клиентами «вечные» темы — смысла, бессмыслицы, любви, смерти, должного и запретного. Если по отношению к своей пастве эту обязанность издревле отправляют священнослужители, то светская публика может обратиться к стремительно складывающемуся в нашей стране институту личных или семейных консультантов. Часто их называют «психоаналитиками», хотя к психоанализу большинство из них ни по образованию, ни по используемым методам не имеют ни малейшего отношения.

Понятно, что светские специалисты значительно меньше связаны какой-либо догмой, их труднее (если вообще возможно) контролировать, но при этом они (по крайней мере, их более профессиональная часть) понимают, что не обладают истиной в последней инстанции и лишены возможности ссылаться на непререкаемые авторитеты. Доступную им стратегию действия я бы назвал «ограниченным учительством». Христианские же психологи, вооруженные теперь знанием о целостном человеке, лишаются любых ограничителей, вытекающих из относительности человеческого знания, в том числе и психологического, — перефразируя классический текст: знают путь, и истину, и жизнь.

Очерченное поле «учительства», таким образом, является остро конкурентным по самому способу понимания и разговора о проблемах, с которыми сталкивается клиент, не говоря уже о видах предлагаемой ему

помощи. Конкуренция между разными специалистами обычно весьма благотворна. Однако если сюда добавятся еще и авторитет, социальные и иные возможности стоящей за христианскими психологами организации, то ситуация станет неравной и очень тревожной. Так, ее аналогией в сфере образования выступают настойчивые (и небезуспешные) попытки священнослужителей попасть в качестве учителей, разработчиков или заказчиков учебных программ в государственные школы и вузы.

Благостный взгляд на причины противостояния двух психологий и возможности их мирного сосуществования *в одной плоскости* (Братусь, 2001) похож на утопию. Ведь отстаиваемые познавательные и практические истины настолько различны, что принятие одних делает очень сомнительным одновременное принятие других (хотя биографии-контрпримеры, конечно, имеются).

3. Польза разворачивающейся дискуссии состоит, как мне кажется, в прояснении самого устройства тяжущихся сторон: заявляя о своей особой точке зрения на предмет, каждая из них лучше простроит и зафиксирует свою инаковость, а заодно и особенности сегодняшнего своего состояния. (Не знаю, правда, есть ли у христианской психологии текущее состояние и, соответственно, развитие или это всегда пребывание в «вечности».) Так, дискуссия с очевидностью подчеркивает тяжелое положение психологической науки в нашей стране и постепенную замену научного мышления в этой сфере другими формами интеллектуальной деятельности.

4. И последнее. Рад был бы ошибиться в прогнозах, но, учитывая

размах «бытовой» религиозности и количество усилий по распространению «не-научных» истин разного толка (а заодно и соответствующих форм мышления), боюсь, что в скором будущем христианская психология останется единственным видом психологии в нашей стране и проблема — предмет настоящей дискуссии

— отомрет сама собой. Тогда не слишком давняя историческая ситуация, когда в номенклатуру ВАКа еще входил «научный коммунизм», а не «теология», но экспериментальные исследования в психологии не были на грани исчезновения, будет вспоминаться с изрядной ностальгией.

Литература

Братусь Б.С. Психология: учение о душе или наука о психике // Труды Института психологии им. Л.С. Выготского РГГУ М., 2001. Вып. 1. С. 214–221.

Кун Т. Структура научных революций. М., 2003.

Лакатос И. Методология исследовательских программ. М., 2003.

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999.

Лоргус А.В. Психология — с религией или без нее? // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 2. С. 58–64.

Поппер К. Объективное знание. М., 2002.

Слободчиков В.И. Христианская психология в системе психологического знания // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 2. С. 90–97.